

TRAVEL STORY

Пер Дж. Андерссон

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ИНДИЙЦА,

КОТОРЫЙ ПОЕХАЛ ИЗ ИНДИИ В ЕВРОПУ ЗА ЛЮБОВЬЮ

Москва
2017

УДК 821.113.6-3
ББК 84(4Шве)-44
А65

Per J. Andersson
NEW DELHI — BORÅS

Андерссон, Пер Дж.

А65   Невероятная история индийца, который поехал из Индии в Европу за любовью / Пер Дж. Андерссон ; [пер. с шв. А. В. Андриевской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Travel Story. Книги для отдыха).

ISBN 978-5-699-97055-1

Пикей, бедный художник, родился в семье неприкасаемых в маленькой деревне на востоке Индии. С самого детства он знал, что его ждет необычная судьба, голос оракула навсегда врезался в его память: «Ты женишься на девушке не из нашей деревни и даже не из нашей страны; она будет музыкантом, у нее будут собственные джунгли, рождена она под знаком Быка».

Это удивительная история о том, как молодой индийский художник, вооруженный лишь горсткой кисточек и верой в пророчество, сел на подержанный велосипед и пересек всю Азию и Европу, чтобы найти женщину, которую любит.

УДК 821.113.6-3
ББК 84(4Шве)-44

© Per J Andersson, 2013, First published
by Bokförlaget Forum, Stockholm, Sweden
Published in the Russian language by arrangement
with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden
and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency,
Sweden

© Андриевская А. В., перевод
на русский язык, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97055-1

СОДЕРЖАНИЕ

Пророчество	7
Превращение	70
Путешествие	212
Возвращение домой	316

ПРОВОРОЧЕСТВО

С того самого дня, как я родился в деревне в джунглях, моя жизнь была predetermined. Это случилось зимой, незадолго до Нового года — праздника англичан, который все равно отмечался, хотя они и покинули страну за два года до этого. Обычно в это время дождя не было, но в том году северо-восточный муссон дольше задержался над побережьем Ориссы. Но, наконец, дождь прекратился, хотя тучи все еще скрывали поросшие лесом холмы на правом и левом берегах реки, и казалось, что уже начинает смеркаться, несмотря на то что была первая половина дня. Однако потом выглянуло солнце и осветило темноту. В люльке в одной из хижин в маленькой деревне лежал я, главный герой этой истории, все еще безмянный. Я только что родился, и моя семья стояла, собравшись вокруг, и разглядывала меня с любопытством. Деревенский астролог тоже был там и, осмотрев меня, вычислил, что я родился под знаком Козерога и в тот же день, что и христианский пророк.

— Там, — сказал один из моих братьев, — вы видите? — Что?

— Там, над малышом! — Все уставились на радугу, видневшуюся за окном сквозь падающие лучи солнца. Астролог знал, что это означает.

Когда он вырастет, он будет работать с цветом и формой.

Очень скоро по деревне пошел слух. Радужный ребенок, говорил один. Большая душа, Махатма родился, сказал второй. Примерно неделю спустя в хижину заползла кобра. Она поднялась над люлькой, в которой мирно спал я, ничего не подозревающий об опасности, и вытянула свою мускулистую шею. Увидев змею, мать поначалу подумала, что та укусила меня и я уже мертв. Пока змея выползала из хижины, мама подбежала к люльке и обнаружила: я жив! Я спокойно лежал, разглядывая свои пальчики, и смотрел своими темными глазами в никуда. Чудо! Заклинатели змей в деревне объяснили, что кобра специально пришла в хижину и расправила свой капюшон, чтобы защитить меня от дождя, который капал прямо на мою люльку через дырку в потолке. В последние дни шел такой сильный дождь, что вода проделала дырку в крыше хижины. Защищающее поведение змеи было божественным знаком людям. Астролог согласно кивал, когда зачинатели змей закончили свое объяснение. Так и есть, подтвердил он. Здесь нечего объяснять. Я не был обычным ребенком.

Последнее слово осталось за астрологом. Его задачей осталось записать, что может произойти в моей жизни. Отточенным деревянным карандашом он нацарапал на пальмовом листе: «Он женится на девушке не из нашего племени, не из нашей деревни, не из нашего района, не из нашей провинции, не из нашего региона и не из нашей страны».

***Здесь нечего объяснять.
Я не был обычным ребенком.***

«Ты не должен ее искать, она сама найдет тебя», — сказал астролог и посмотрел мне прямо в глаза. Мама и папа сначала не могли увидеть, что нацарапал астролог на листе. Им пришлось держать лист над пламенем масляной лампы в натертом маслом латунном подсвечнике, а образовавшаяся сажа попадала в насечки толстого пористого листа. Тогда отчетливо проступал текст. Астрологу не нужно было больше ничего рассказывать, ведь они сами могли прочесть: «Твоя будущая жена будет музыкальной, будет владеть джунглями и будет рождена под знаком Тельца» — было написано круглыми витыми буквами на языке ория¹.

¹ О р и я — индоевропейский язык, на котором говорят около 35 миллионов жителей индийского штата Орисса. Он является одним из 23 официально признанных языков Индии и имеет собственное письмо. (Здесь и далее примечания редактора.)

С того дня, когда я начал понимать, о чем говорят взрослые, пальмовый лист с пророчеством и рассказом о радуге и кобре относился к моей жизни. Все были убеждены, что мое будущее уже определено. Я был единственным, кто получил такое предсказание. По звездам можно определить будущее каждого ребенка — по часу, в который он родился. Мои родители верили в это, я верил в это, когда я вырос, и в некотором смысле верю в это до сих пор.

Его полное имя звучит как Ягат Ананда Прадьюмна Кумар Маханандиа. В этом имени заключено много радости. Ягат Ананда обозначает общую радость, и Маханандиа означает большую радость. Вообще, неправда, что это его полное имя. Оно еще длиннее. Если посчитать все имена, которые он получил от бабушек и дедушек со всех сторон, от племени и от касты, то получится огромный крысиный хвост имен, насчитывающий в общей сложности 373 буквы. Но кто же может запомнить 373 буквы? Для простоты его друзья ограничивались только двумя буквами. Инициалами П (для Прадьюмна) и К (для Кумар). Очень просто: ПК. Или Пикей, если использовать английское произношение.

Однако семья называла его совсем другими именами, наблюдая, как малыш быстро бегает по деревенским дорогам и высоко карабкается на манговые деревья. Отец называл его «поа», что означает «мальчик», бабушки и дедушки называли его «нати» — «внук», а мама звала его «суна поа», «золотой мальчик», поскольку кожа малыша была светлее, чем кожа его братьев и сестер. Его первое воспоминание о деревне на краю джунглей относится к тому времени, когда ему было три года. Хотя, может быть, уже четыре. Или лишь два. С возрастом это стало не так уж и важно. Никто не беспокоится о датах рождения. Если спросить жителя деревни, сколько ему лет, никогда не получишь внятного ответа. Сначала человеку примерно десять, потом около сорока, потом почти семьдесят, или еще проще — он молод, средних лет или очень стар.

Пикей очень плохо помнит, как он стоял в доме с толстыми стенами из светло-коричневой глины и крышей из желтой травы. Позже картинки стали четче. Вокруг располагались кукурузные поля с их пыльной ботвой, которая шелестит в вечернем бризе, и группы деревьев с толстыми листьями, так красиво цветущие зимой, а в начале года дающие сладкие плоды. Еще там была маленькая река, впадавшая в большую реку. На другом берегу реки возвышалась стена из листьев и веток. Там начинались джунгли. Оттуда иногда доносился рев

дикого слона, рычание пантеры или тигра. Еще чаще можно было увидеть следы диких зверей, слоновий помет и отпечатки тигриных лап, а также услышать звонко жужжащих насекомых и поющих птиц. Поляна была горизонтом Пикея, но его мир простирался за пределы горизонта, в лес. Там мир заканчивался. Деревня и лес. Ничего другого не было. Лес был бесконечным, мистическим, таинственным и одновременно знакомым и близким. Он был в равной степени приключением и данностью. О городе до этого он только слышал рассказы, но никогда не видел. В доме кроме него жили его мама и два старших брата. И, конечно, еще бабушка и дедушка по папиной линии. Так было заведено почти во всех семьях. Согласно традиции, старший сын продолжал жить в доме своих родителей, даже когда женится и заведет собственную семью. Шридхар, его отец, тоже соблюдал эту традицию.

Однако он видел Шридхара нечасто. Отец работал начальником почтового отделения в Атмолике, ближайшем большом населенном пункте с базаром, чайной и тюрьмой. Поскольку город находился слишком далеко, чтобы ездить туда-сюда на велосипеде каждый день, отец оборудовал для себя комнату на почте. Там он ночевал среди недели. Однако каждый субботний вечер отец вместе с двумя старшими братьями Пикея, которые учились в школе-интернате в Атмолике, при-

езжали домой, к семье. Пикею казалось, что он единственный ребенок в семье. От матери он получал много внимания. Большую часть недели они проводили вдвоем в доме бабушки и дедушки. Деревня находилась на солнечной поляне на окраине леса, который был таким плотным, что свет почти не проникал до земли. Большинство домов выглядели одинаково: круглые и угловые хижины из коричневой высушенной глины с серыми крышами из пальмовых листьев и бамбуковыми ограждениями для коров и коз. Рядом с оградами были разбиты огороды и лежали копны сена для животных. Кроме глиняных хижин в деревне стояла еще пара построенных британцами из сострадания к неприкасаемым кирпичных домов. Однако в эти дома так никто и не успел заехать, они подгнили во время муссонного дождя и стояли теперь бесполезные и покинутые, с провалившимися крышами. Еще в деревне были начальная школа и дом для собраний деревенского совета.

Мать Пикея обычно говорила, что они живут в самом большом лесу Индии и Кондпода — самая старая лесная деревня. Деревня, говорила она, не была домом ни для живых, ни для мертвых. Внизу, на реке, образовалась ложбина, канава в песке, ее использовали как место кремации. Калабати говорила, что примерно в полночь там собирались души умерших, чтобы петь и танцевать. В реке был водоворот, в котором пару

лет назад утонули две только что вышедшие замуж беременные женщины. Она видела лежащие на берегу трупы с ярко светящимися красными точками на лбу и решила, что точки так красиво светятся потому, что женщины вели чистую, неприкосновенную и целомудренную жизнь. Их глаза были широко открыты, как будто они еще что-то искали. Их рты также были широко открыты, как будто они до самого конца звали о помощи. В действительности, говорила она, у мертвых женщин так широко были открыты рты потому, что души покидали их через рот и забыли закрыть за собой дверь. Вечером, лежа рядом с сыном на соломенной циновке, она рассказывала ему о душах умерших людей, о богах, богинях и черной магии. Браслеты на руках и ногах матери издавали звенящие, таинственные звуки. Пикей содрогался от ужаса, со стучащим сердцем задерживал дыхание. Он внимательно прислушивался: в темноте приближались духи, стоная и тяжело дыша. Успокаивался только потому, что чувствовал теплое тело матери. Когда она поняла, что испугала сына, то нежно обняла его. От счастья послеобеденной игры в лесу, через страх долины мертвых до маминой утешающей руки... С этими эмоциями он заснул. У самой Калабати не было страха перед мертвыми. Она верила, что злые духи будут соблюдать дистанцию, чувствуя здоровую самоуверенность. Она ей обладала. Только

тот, кто сомневается в себе, может подпасть под власть мертвых.

— Пока я смелая, никто не сможет мне навредить, даже мертвые, — говорила она.

Перед тем как Пикей пошел в школу, он не знал, что такое каста. Никто не рассказывал ему о том, что люди делятся на четыре главные касты и тысячи нижних каст. Он ничего не знал о многотысячелетнем собрании песен, в котором описано возникновение четырех каст. Он не имел никакого понятия о мистических первобытных существах — пурушах, делящихся на четыре категории. Он не знал тогда, что брахманы, священники, «вышли» изо рта пуруш, кшатрии, каста воинов, была создана из их рук, вайшьи, торговцы, ремесленники и крестьяне, — из бедер, а шудры, рабочие и поденные рабочие, — из ног. Мало слышал он и о высокого роста светлокожих индоарийцах, степном народе, который 3500 лет назад приехал из Центральной Азии на лошадях. Они научили лесной народ на индийском полуострове земледелию, а сами стали священниками, солдатами и правителями и образовали высшую касту. Ничего не представлял он и о темнокожем лесном народе, который стал низшей группой — крестьянами,